

СОДЕРЖАНИЕ

Николаев В.Г. «Золотой век» чикагской социологии 5

Раздел I.

ТЕОРИЯ И МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

<i>Бёрджесс Э.У.</i> Рост города: Введение в исследовательский проект	20
<i>Маккензи Р.Д.</i> Экологический подход к изучению человеческого сообщества	35
<i>Парк Р.Э., Томас У.А.</i> Участие и социальная ассимиляция	52
<i>Фэрис Э.</i> Первичная группа: Существенное и случайное	60
<i>Хьюз Э. Ч.</i> Изучение институтов	71
<i>Хьюз Э. Ч.</i> Институциональная должность и персона	80
<i>Хьюз Э. Ч.</i> Работа и человеческое Я	92

Раздел II.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ И СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Вирт Л.</i> Гетто	107
Глава I. Введение	108
Глава II. Происхождение гетто	115
Глава III. Гетто становится институтом	128
Глава XI. Чикагское гетто	137
Глава XIII. Возвращение в гетто	143
Глава XIV. Социологическая значимость гетто	158
<i>Зорбо Х.У.</i> Золотой берег и трущобы	166
Глава III. Золотой Берег	167
Глава IV. Мир меблированных комнат	185
Глава XI. Город и сообщество	201
<i>Кресси П.Г.</i> Таксидэнс-холл	228
Глава III. Таксидэнс-холл как социальный мир	229
Глава VIII. Происхождение таксидэнс-холла	248

<i>Стоунквист Э.В.</i> Маргинальный человек	265
Глава V. Жизненный цикл маргинального человека	266
Глава X. Неприспособленность и приспособление	281
Глава XI. Социологическая значимость маргинального человека	289
<i>Трэшер Ф.М.</i> Шайки	300
Глава II. Образование шаяк	301
Глава III. Что такое шайка?	315
Глава XV. Групповой контроль в шайке	325
<i>Фэрис Э.</i> Секта и сектант	351
<i>Хейнер Н.С.</i> Гостиничная жизнь и личность	366
<i>Хейнер Н.С.</i> Исследования тюремных сообществ	379
<i>Хейнер Н.С., Эш Э.</i> Тюрьма как сообщество	380
<i>Хейнер Н.С., Эш Э.</i> Сообщество заключенных как социаль- ная группа	390
<i>Хьюз Х.М.</i> Новость и интересная история	401

В.Г. Николаев*

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ЧИКАГСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Эта книга продолжает серию публикаций, представляющих основные достижения чикагской социологии¹. Наследие Чикагской школы значимо не только содержащимися в нем вкладами в социологическую теорию, которые неплохо освещены в критической литературе², но и огромным и не вполне оцененным опытом

* Николаев Владимир Геннадьевич – канд. социол. наук, доцент департамента социологии факультета социальных наук и Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, ст. науч. сотр. Отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН.

¹Кнастоящему времени, помимо журнальных публикаций, в ИНИОН РАН были подготовлены и изданы сборники переводов: Вирт Л. Избранные работы по социологии: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев; Отв. ред. Л.В. Гирко. – М., 2005; Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2009; Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2010; Парк Р.Э. Избранные очерки: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2011.

²Наиболее представительная подборка критических работ о Чикагской школе содержится в: Chicago sociology: Critical assessments / Ed. by K. Plummer: In 4 vol. – L.: Routledge, 1997. Емкий общий обзор и аннотированную библиографию см.: Kurtz L.R. Evaluating Chicago sociology: A guide to the literature, with an annotated bibliography. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1984. Другие важные публикации: Abbott A. Department and discipline: Chicago sociology at one hundred. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1999; Carey J.T. Sociology and public affairs: The Chicago school. – Beverly Hills (CA): SAGE, 1975; Faris R.E.L. Chicago

эмпирических исследований, привлекающим с конца XX в. внимание ряда американских и европейских авторов¹, но до сих пор плохо известным у нас. В книге представлен преимущественно этот опыт.

С «золотого века» чикагской социологии, охватывающего период с середины 1910-х до середины 1930-х годов, начинается в известном смысле современная американская социология и, поскольку облик социологии после Первой мировой войны определялся прежде всего тем, что происходило на американской сцене, современная социология как таковая.

Ни перед Р. Парком, ни перед его коллегами по факультету социологии и антропологии Чикагского университета² не стояла задача создать какую-то особую школу. Они развивали социологию как таковую, понимая, что она должна стать эмпирической наукой, соответствующей критериям научности, как они тогда понимались. В начале XX в. ни в Америке, ни в Европе таковой не было. С одной стороны, сложилась традиция проблемно-ориентированных любительских социальных исследований, не ставящих собственно научных задач и не вписанных в какие-либо теоретические перспективы (в Чикаго она была представлена, например,

sociology, 1920–1932. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1967; Harvey L. Myths of the Chicago school of sociology. – Aldershot: Avebury, 1987; Hinkle R.C. Developments in American sociological theory, 1915–1950. – Albany: State univ. of New York press, 1994; Lewis D.J., Smith R.L. American sociology and pragmatism: Mead, Chicago sociology and symbolic interactionism. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1980; Matthews F. Quest for an American sociology: Robert E. Park and the Chicago school. – Montreal: McGill-Queen’s univ. press, 1977; Smith D. The Chicago school: A liberal critique of capitalism. – L.: Macmillan, 1988; The tradition of the Chicago school of sociology / Ed. by L. Tomasi. – Aldershot; Brookfield (VT): Ashgate, 1998. Важнейшие публикации на русском языке: Баньковская С.П. Роберт Парк; Эрнст Бёрджесс // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 3–32; Николаев В.Г. Многомерные и редуционистские стратегии в чикагской социологии: Случай человеческой экологии // Социологический журнал. – М., 2009. – № 2. – С. 18–55. Имеются также отдельные статьи о Р.Э. Парке, Дж.Г. Миде, Л. Вирте, Э.Ч. Хьюзе, Р. Редфилде, Г. Блумере, Л. Эдвардсе.

¹ См. особенно: Bulmer M. The Chicago school of sociology: Institutionalization, diversity and the rise of sociological research. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1984; Platt J. A history of sociological research methods in America, 1920–1960. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1996.

² На факультете работали не только социологи, но и антропологи, причем очень известные и влиятельные – Э. Сепир, Р. Редфилд.

обследованиями сотрудниц Халл-Хауса¹). С другой стороны, были многочисленные теории спекулятивного характера, не соотношенные с эмпирическими исследованиями. Эти две линии развития существовали совершенно независимо друг от друга, и их нужно было как-то соединить. Различные теоретические позиции, существовавшие параллельно и обособленно, нужно было как-то соотнести; идеи полипарадигмальности и теоретического плюрализма были чуждыми этой эпохе. Сборку единой науки из разрозненных эмпирических и теоретических компонентов мы и находим в работе тогдашних чикагских социологов.

Нередко эта сборка характеризуется как «эkleктическая». Но подобная оценка вряд ли справедлива. Отчасти она является проекцией в прошлое тех политических размежеваний и конфликтов между «школами», «подходами», «парадигмами» и «направлениями», которые возникли уже после чикагцев и не были фоном для их научной работы. Более того, чикагская социология во многих отношениях превосходит лучшие поздние теоретические синтезы, образцовым примером которых служит теория Т. Парсонса. В чикагской социологии, при всей ее пестроте, мы находим высокую степень внутренней связности и согласованности в базовых принципах, придающую вписанным в эту традицию текстам особую, уникальную окраску и позволяющую читать их как части общего интеллектуального предприятия.

Своей уникальной композицией чикагская социология 1920–30-х годов обязана прежде всего Р.Э. Парку, ее признанному интеллектуальному лидеру. Но не только ему. Идеи Парка развивались в тесной связке с проводимыми в эти годы исследованиями, и многие элементы общей теоретической рамки более детально и основательно прописаны не в его трудах, а в трудах его сподвижников. Сама эта рамка развивалась постепенно, по ходу дела, в ответ на проблемы и вызовы, возникавшие в процессе проведения исследований. Многие идеи возникали и прорабатывались в ходе дискуссий на университетских занятиях, очень непохожих (судя по воспоминаниям тех, кто в них участвовал) на учебные занятия, какими мы их знаем сегодня.

¹ Hull-House maps and papers: A presentation of nationalities and wages in a congested district of Chicago, together with comments and essays on problems growing out of the social conditions. – N.Y.: T.Y. Crowell & co., 1895. О значимости этих исследований для Чикагской школы см.: Deegan M.J. Jane Addams and the men of the Chicago school, 1892–1918. – New Brunswick (NJ): Transaction books, 1988.

Общая теоретическая рамка, рассеянная по разным текстам Р.Э. Парка, Э.У. Бёрджесса, Л. Вирта и многих других авторов и придающая чикагской социологической традиции внутреннюю связность, может быть в общем виде охарактеризована как многомерная¹. Она опирается на достаточно отчетливо сформулированные допущения относительно природы человека, социального порядка, человеческого поведения / действия и социального взаимодействия. В соответствии с ними любое коллективное образование рассматривается как упорядоченное на нескольких уровнях: экологическом (и демографическом), экономическом, политическом, культурном, социально-психологическом. Каждый из этих порядков мыслился как предмет отдельной дисциплины, но целостное видение социального процесса предполагало соотнесение знаний, получаемых с разных дисциплинарных точек зрения; такое соотнесение было задачей социологии как общей науки. Социология как специальная наука у чикагцев образовалась из суммы перспектив, не «занятых» утвердившимися академическими дисциплинами. В ее состав вошли *человеческая экология*, изучающая экологический порядок (позже из нее выделилась как отдельная дисциплина демография), *социальная психология*, изучающая культурные и социально-психологические факты (позже она превратилась в символический интеракционизм), а также «*социальная организация*», сфокусированная на всестороннем синтетическом изучении различных институтов. Эти три науки стали специализациями на факультете социологии Чикагского университета, развивающимися каждая в своем русле. Соответственно, в рамках чикагской традиции сформировались и развивались несколько типов исследований, изначально связанных друг с другом общей теоретической рамкой, но позже разделившихся: экологические (включая демографические) исследования, интеракционистские социально-психологические исследования (имевшие в 1920-е годы во многом антропологический характер) и целый ряд близких по духу комплексных исследований различных групп и институтов (занятий и профессий, семьи, шаяк, досуговых учреждений, расовых и этнических гетто, организованной преступности, выборов, газет и т.д.).

¹ Детальную ее реконструкцию можно найти в статье: Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: Случай человеческой экологии // Социологический журнал. – М., 2009. – № 2. – С. 18–55.

Социология мыслилась чикагцами как эмпирическая наука (настолько, что специальное занятие разработкой теории и методологии рассматривалось как бесплодное дело, не заслуживающее траты времени и сил). Превращение социологии в эмпирическую науку было смоделировано Парком по образцу психологии, которая в XIX в. стала в полном смысле слова наукой благодаря утверждению в ней экспериментального метода и появлению лаборатории. В случае социологии своего рода лабораторией был признан город; проведение собственно экспериментов, однако, не требовалось, поскольку совместное существование людей само по себе виделось как эксперимент¹.

Так эмпирическая социология стала у чикагцев городской социологией. Программа эмпирических исследований была предложена Р.Э. Парком в его ранней большой статье «Город: Предложения по изучению человеческого поведения в городской среде» (1915)². Корни многих знаменитых чикагских исследований 1920–30-х годов обнаруживаются в тех или иных разделах этой работы. Большинство исследований проводилось в Чикаго как образцовом крупном современном американском городе, часть исследований – в других городах и даже не только в городах³.

Поскольку быстроразвивающийся крупный современный город был не просто площадкой для проведения исследований, но и мыслился как арена, на которой разворачиваются все основные социальные процессы, в том числе специфически современные, и на которой все больше раскрывает и выражает себя человеческая природа, то городские исследования чикагцев всегда были в той или иной мере исследованиями общества как такового, современности и модернизации как таковых, человеческой природы

¹ Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // Социологическая теория: История, современность, перспективы: Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 29–43.

² См.: Парк Р.Э. Избранные очерки: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2011. – С. 19–56.

³ Например, юкатанские и гватемальские исследования Р. Редфилда были выстроены в соотношении с континуумом «народное–городское» и сфокусированы на изменениях, происходящих в народных (традиционных) культурах под воздействием вторгающейся в них современности и урбанизма. См.: Николаев В.Г. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции // Личность. Культура. Общество. – М., 2008. – Т. 10, Вып. 5–6. – С. 99–112.

как таковой¹. В лучших их образцах ясно и недвусмысленно присутствовали эти акценты.

Эмпирические исследования чикагцев были ориентированы на тесную связь с практикой и были проблемно-сфокусированными. Так, исследования естественных ареалов, сообществ и соседств стали фундаментом для нового районирования Чикаго (во многом сохранившегося по сей день). Целый ряд исследований проводился в тесной связке с работой всевозможных комиссий (по расовым отношениям, по трудовым отношениям, по работе с детьми и подростками-правонарушителями и т.д.). Предполагалось, что социология не только может, но и должна приносить реальную и ощутимую пользу людям – как такую конкретную, так и, в более широком смысле, просветительскую.

Тематически это были очень разнообразные исследования. В них была широко представлена собственно городская тематика: внутренняя структура города, городские сообщества, многообразие городских культурных миров и образов жизни. Сюда можно отнести исследования города как мозаики миров (Х.У. Зорбо, «Золотой берег и трущобы», 1929²), еврейского гетто и прочих видов гетто (Л. Вирт, «Гетто», 1928³), негритянских сообществ (Ч. Джонсон, «Негр в Чикаго»).

¹ Как писал Р.Э. Парк, «в городе любое качество человеческой природы не только наглядно проявляется, но и усиливается. В городе, на свободе, каждый индивид, каким бы эксцентричным он ни был, непременно находит ту среду, в которой он может развить и каким-либо образом проявить особенности своей природы. И маленькое сообщество иногда терпит эксцентричность, но город зачастую и вознаграждает ее. Несомненно, город притягивает тем, что здесь любой тип индивида – будь то преступник или попрошайка, равно как и гений – всегда найдет подходящую компанию, и порок или талант, сдерживаемый в более тесном кругу семьи или в более узких рамках малого сообщества, обнаруживает здесь моральный климат, в котором он расцветает. А в целом, все заветные чаяния и все подавленные желания находят в городе то или иное выражение. Город усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Именно это привлекает, или даже притягивает, в город. И именно это делает его наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества» (Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // Социологическая теория: История, современность, перспективы: Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 42–43).

² Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

³ Wirth L. The ghetto. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928.

го», 1922¹), общины хлыстов (П. Янг, «Пилигримы Русского городка», 1932²) и т.д. Интенсивно исследовались всевозможные городские институты: городская семья (Э.Р. Маурер, «Семейная дезорганизация», 1927³; Э.Ф. Фрейзер, «Негритянская семья в Чикаго», 1931⁴; работы Э.У. Бёрджесса, Л. Котрелла и др. о семье и браке⁵), занятия и профессии (Ф.Р. Донован, «Продавщица», 1929⁶; Э.Ч. Хьюз, «Рост института: Чикагское агентство недвижимости», 1979 [1928]⁷), газеты (Х.М. Хьюз, «Новость и интересная история», 1940⁸; Р.Э. Парк, «Иммигрантская пресса и ее контроль», 1922⁹) и кино (исследования влияния кино на разные аспекты поведения горожан, 1930-е годы¹⁰), гостиницы (Р.С. Хейнер, «Гостиничная жизнь», 1936¹¹), танцевальные залы (П.Г. Кресси, «Таксидэкс-холл», 1932¹²) и др. Многочисленные работы были посвящены расовым отношениям, меньшинствам и национализму (Ч. Джонсон, Э.Ф. Фрейзер, Л. Вирт, Р.Э. Парк, Э.Б. Рейтер, Э.В. Стоунквист). В исследованиях чикагцев была обильно представлена криминологическая проблематика. Сюда относятся исследования преступности и молодежной делинквентности

¹ Johnson C.S. The Negro in Chicago: A study of race relations and a race riot in 1919. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1922.

² Young P.V. The pilgrims of Russian town. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1932.

³ Mowrer E.R. Family disorganization: An introduction to a sociological analysis. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

⁴ Frazier E.F. The Negro family in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1932.

⁵ В частности: Burgess E.W., Locke H.J. The family: From institution to companionship. – N.Y.: American book co., 1945; Burgess E.W., Wallin P. Engagement and marriage. – Chicago (IL): Lippincott, 1953.

⁶ Donovan F.R. The saleslady. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

⁷ Hughes E.C. The growth of an institution: The Chicago real estate board. – Chicago (IL): Arno press, 1979.

⁸ Hughes H.M. News and the human interest story. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1940.

⁹ Park R.E. Immigrant press and its control. – N.Y.; L.: Harper & bros, 1922.

¹⁰ Blumer H. Movies and conduct. – N.Y.: Macmillan, 1933; Blumer H., Hauser P.M. Movies, delinquency and crime. – N.Y.: Macmillan, 1933; Blumer H. Private monograph on movies and sex // Jowett G.S., Jarvie I.C., Fuller K.H. Children and the movies: Media influence and the Payne Fund controversy. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1996. – P. 281–301.

¹¹ Hayner N. Hotel life. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina press, 1936.

¹² Cressey P.G. The taxi-dance hall. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1932.

(К. Шоу и др., «Ареалы делинквентности», 1929¹; К. Шоу, «Обиравший пьяных: История делинквентного подростка, рассказанная им самим», 1930²; К. Шоу, «Естественная история делинквентной карьеры», 1931³; К. Шоу и др., «Братья по преступлению», 1938⁴), шаек (Ф.М. Трэшер, «Шайка», 1927⁵), проституции (У. Реклесс, «Порок в Чикаго, 1933⁶»), организованной преступности (Дж. Ландеско, «Организованная преступность в Чикаго», 1929⁷). Работа Р. Кэван «Самоубийство» (1928)⁸ около двух десятилетий считалась образцовым социологическим исследованием суицида и даже затмила по значимости классическую работу Э. Дюркгейма. Немалое значение имели и чикагские исследования различных форм коллективного и массового поведения, таких как публики и толпы (Р.Э. Парк, «Толпа и публика», 1972 [1904]⁹), шайки (Ф.М. Трэшер¹⁰), профсоюзное движение и забастовки (Э.Т. Хиллер, «Забастовка», 1928¹¹), расовые бунты (Ч. Джонсон, «Негр в Чикаго», 1922¹²) и революции (Л. Эдвардс, «Естественная история революции», 1927¹³). Наконец, важное место в научном наследии чикагцев занимают исследования современной / городской личности (Э.У. Бёрджесс и др., «Личность и

¹ Delinquency areas: A study of the geographic distribution of school truants, juvenile delinquents and adult offenders / Shaw C.R., Zorbaugh F.M., McKay H.D., Cottrell L.S., jr. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

² Shaw C.R. The jack-roller: A delinquent boy's own story. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1930.

³ Shaw C.R. The natural history of a delinquent career. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1931.

⁴ Shaw C.R., McKay H.D., McDonald J.F. Brothers in crime. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1931.

⁵ Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

⁶ Reckless W. Vice in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1933.

⁷ Landesko J. Organized crime in Chicago // Illinois crime survey, 1929. – Chicago (IL): Illinois Association for criminal justice, 1929. – Pt. 3.

⁸ Cavan R.S. Suicide. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928.

⁹ Park R.E. The crowd and the public. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1972.

¹⁰ Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

¹¹ Hiller E.J. The strike. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928.

¹² Johnson C.S. The Negro in Chicago: A study of race relations and a race riot in 1919. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1922.

¹³ Edwards L. The natural history of revolution. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

социальная группа», 1929¹; Н. Андерсон, «Хобо», 1923²; Э.В. Стоунквист, «Маргинальный человек», 1937³).

Многие из этих исследований до сих пор привлекают внимание своей оригинальностью и плодотворностью, а заключенный в них опыт служит предметом критического изучения и переосмысления. Некоторые развитые в них концепции и подходы и сегодня сохраняют свою жизнеспособность (как, например, концепция новости или концепция маргинального человека).

Особое внимание сегодня привлекает методология этих исследований. Одна из проблем в данном случае состоит в том, что в чикагской традиции методология (также как и теория) не была предметом специального интереса. Многообразие методов и процедур сбора данных определялось не какими-то эксплицитными правилами, а скорее общими представлениями об изучаемом предмете, исследовательскими нуждами и попросту обстоятельствами. Была задача в чем-то разобраться, и для достижения этой цели использовались все доступные способы.

Отчасти это многообразие методов досталось чикагцам в наследство от традиции социальных обследований. В зачаточном виде почти все эти методы, от статистики и анкетного опроса до городской этнографии, можно найти в этой традиции (у Ч. Бута, в чикагских обследованиях Халл-Хауса, в Питтсбургском обследовании и т.д.). Однако в социологии Чикагской школы все они получают более дисциплинированное и находчивое применение.

Чикагские социологи пользовались в своих исследованиях разного рода статистикой, собираемой как Бюро переписи населения, так и социальными службами, полицией, государственными, муниципальными, общественными организациями. Для того чтобы можно было проводить более обоснованные и надежные сравнения разных районов города, по их инициативе в Чикаго были введены более мелкие переписные участки. Широко практиковался и самостоятельный сбор статистических данных, когда готовые статистические сводки отсутствовали (как, например, статистика гостиничного населения у Хейнера или статистика

¹ The personality and the social group / Ed. by E.W. Burgess. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

² Anderson N. The hobo: The sociology of the homeless man. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1923.

³ Stonequist E.V. The marginal man: A study in personality and culture conflict. – N.Y.: Russell & Russell, 1961.

посещаемости городского центра в разные времена суток). В 1920-е годы методы статистического анализа данных практически не применялись, но уже во второй половине 1930-х – при активнейшем участии Э.У. Бёрджесса и У. Огборна – получили применение факторный анализ, корреляционный анализ и т.п. (например, в исследованиях эффективности условно-досрочного освобождения заключенных).

Разновидностью статистического метода, отличительной для чикагской традиции, стала картография. Известно, что в эти годы без карт невозможно было защитить ни одну диссертацию. Картографирование в исследованиях городов применялось и раньше (еще со времен Ч. Бута), но никогда прежде не было такого тематического разнообразия карт. На карты разных видов (точечные, штриховые и т.д.) наносилось буквально все: демографические данные, преступность, подростковые правонарушения, шайки, самоубийства, притоны, цены на землю, разные виды танцевальных заведений, кинотеатры и т.д. Помимо наглядного представления статистических данных по районам, карты служили основой для дальнейших углубленных исследований: они визуализировали территориальное (экологическое) распределение изучаемых феноменов и проблем и позволяли выявить места их высокой концентрации для последующего качественного исследования их *in situ*. Предполагалось, что условия, благоприятные для этих феноменов и проблем, присутствуют в этих районах в наиболее выраженном виде. Так, исследование мира шаек проводилось в местах сосредоточения шаек (Ф.М. Трэшер¹), исследование социальных факторов самоубийства проводилось в районе с самым высоким уровнем самоубийств (Р. Кэван²), глубинному изучению факторов подростковой делинквентности и роста преступных карьер предшествовало изучение территориального распределения правонарушений и выявление «ареалов делинквентности» (К. Шю и др.³), для исследования своеобразия современной городской лич-

¹ Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

² Cavan R.S. Suicide. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928.

³ Delinquency areas: A study of the geographic distribution of school truants, juvenile delinquents and adult offenders / Shaw C.R., Zorbaugh F.M., McKay H.D., Cottrell L.S., jr. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929; Shaw C.R., McKay H.D. Juvenile delinquency and urban areas. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1942; Shaw C.R., McKay H.D. Social factors in juvenile delinquency. – Wash.: US Government printing office, 1931.

ности выбирались места, в которых были сильнее всего выражены характеристики современного крупного города, например гостиницы (Н.С. Хейнер¹).

Образцовые чикагские исследования чаще всего строились по такой модели: сначала проводилось экологическое исследование распределения изучаемого явления, в котором выделялись места его концентрации, а далее следовало исследование «на месте», в котором решались задачи понимания и объяснения. Решение последних предполагало непосредственное знакомство с изучаемым фрагментом социальной реальности. Известно наставление Р.Э. Парка: «Вам говорили идти и порыться в библиотеке, накапливая тем самым кучу заметок и вбирая слой глубоко въевшейся книжной пыли. Вам говорили выбирать проблемы там, где вы сможете найти заплесневелые штабеля рутинных записей, базирующихся на тривиальных формах, подготовленных усталыми бюрократами и заполненными смущенными претендентами на помощь, придиричивыми благодетелями или равнодушными клерками. Это называется “запачкать ваши руки в реальном исследовании”. Те, кто вам это советует, люди мудрые и почтенные; резоны, которые они приводят, очень ценны. Но нужна еще одна вещь: непосредственное наблюдение. Пойдите и посидите в холлах роскошных гостиниц и на порогах ночлежек; посидите на диванах Золотого берега и на кроватях в трущобах; посидите в Концертном зале и на представлении бурлеска в “Стар энд Гартер”. Короче говоря, джентльмены, идите и запачкайте ваши штаны реальным исследованием»².

Парк и сам практиковал и прививал своим ученикам ознакомительные социологические прогулки по городу. Описание одной из таких прогулок (из центра Чикаго в трущобы и другие районы Ближнего Норт-Сайда) можно найти в первой главе книги Х.У. Зорбо «Золотой берег и трущобы»³.

Использовались чикагскими исследователями и более систематические виды этнографического наблюдения, невключенного и включенного. Так, Ф.М. Трэшер, изучая чикагские подростковые шайки, поселился неподалеку от мест их высокой концентрации,

¹ Hayner N. Hotel life. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina press, 1936.

² Цит. по: McKinney J.C. Constructive typology and social theory. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1966. – P. 71.

³ Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929. – Ch. 1.

чтобы наблюдать их в естественной среде (на улице)¹. Н. Андерсон, исследуя странствующих рабочих (хобо), регулярно бывал в районе, в котором они временно селились, с тем чтобы наблюдать их повседневную жизнь; это позволяло ему по случаю вступать с ними в беседы на улице, в кафе, на лавочках в парке, и эти свободные беседы (интервью) дали важный материал для его книги «Хобо»². Х.У. Зорбо несколько месяцев снимал жилье в Ближнем Норт-Сайде, чтобы наблюдать жизнь изучаемых им районов города изнутри³. П.Г. Кресси в целях изучения внутреннего мира таксидэнс-холлов стал завсегдатаем подобных заведений, что позволило ему не только напрямую прочувствовать их атмосферу, но и собрать нужную ему информацию через разговоры с танцовщицами, клиентами и хозяевами этих заведений⁴. В отдельных исследованиях (правда, редко) использовалась также визуальная этнография. Так, Трэшер собрал коллекцию фотографий шаек, и некоторые из них были включены в его монографию⁵.

Наблюдения у чикагцев были практически неотделимы от интервью. Судя по всему, интервью протекали свободно и без заранее подготовленных списков вопросов. Как они проводились и документировались – неизвестно, но в публикациях чикагцев присутствуют многочисленные выдержки из них.

Начиная с новаторского исследования У.А. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке»⁶, чикагцами широко применялся анализ личных документов. Это были очень разные документы. Например, в основу исследования самоубийства у Р. Кэван были положены два дневника девушек-самоубийц (хотя использовались и другие материалы)⁷. Широко использовались биографии и автобиографии; иногда они собирались через интервью, иногда – писались людьми на заказ. На автобиографи-

¹ Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

² Anderson N. The hobo: The sociology of the homeless man. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1923.

³ Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

⁴ Cressey P.G. The taxi-dance hall. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1932.

⁵ Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

⁶ Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America: In 5 vol. – Boston (MA): Badger, 1918–1920.

⁷ Cavan R.S. Suicide. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928.

ческих материалах и сопоставлении их с другими данными построены, например, книги К. Шоу «Обирающий пьяных»¹ и «Братья по преступлению»². Много таких материалов мы находим и в других работах чикагцев, хотя там они играют вспомогательную роль (образцовый пример – автобиографический нарратив «приютской девушки» в книге Зорбо «Золотой берег и трущобы»³). К категории биографических материалов причислялись и газетные истории, особенно в жанре исповедей и «криков души».

Не менее важную роль во многих исследованиях играли документы самых разных организаций (полиции, судов, благотворительных организаций и душеспасительных миссий, всевозможных комиссий и т.п.), публикации в прессе и газетные архивы. Например, внимательное изучение подшивок и архивов чикагских газет за 25-летний период позволило Дж. Ландеско, когда он исследовал историю чикагской организованной преступности, обнаружить несколько важных имен, не фигурирующих в полицейских карточках в силу тесных связей полиции с преступным миром⁴.

Если взять для сравнения нынешнее состояние социологии, то и здесь мы находим многообразие применяемых методов в связи с решением разных познавательных задач. Но в случае чикагской социологии они были вписаны в целостную и понятную теоретическую рамку, и сделано это было очень изобретательно и элегантно. Этим во многом и определяется ценность «золотого века» Чикагской школы сегодня.

¹ Shaw C.R. The jack-roller: A delinquent boy's own story. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1930.

² Shaw C.R., McKay H.D., McDonald J.F. Brothers in crime. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1931.

³ Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

⁴ Landesko J. A who's who of organized crime in Chicago // Illinois Crime survey, 1929. – Chicago (IL): Illinois Association for criminal justice, 1929. – P. 1061–1090.

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

Хотя для чикагской традиции, построенной на принципах прагматизма, характерны теснейшее переплетение теории, методологии и исследования и вытекающее отсюда равнодушие к чистому теоретизированию, мы можем найти у ее представителей немало текстов, имеющих рамочный характер, в которых представлены различные компоненты их теоретических схем, а также содержательные обобщения. Теория и метод в этих текстах почти не разделены, поскольку такие компоненты теории, как понятия, модели и т.д., имеют с прагматистской точки зрения сугубо инструментальный характер и, соответственно, могут быть в равной степени истолкованы и как компоненты метода. Ниже вниманию читателя предлагается несколько таких текстов.

Эта подборка не претендует на репрезентативность. В нее включены многие тексты, которые имели бы приоритетное право в нее попасть, но уже опубликованы в предыдущих изданиях этой книжной серии (имеются в виду прежде всего работы Р.Э. Парка и Л. Вирта). Вместе с тем эта подборка дает общее представление о разных линиях теоретического развития, которые во времена Парка были частью единой системы координат, но впоследствии разделились и развивались уже независимо друг от друга.

Статья Р.Э. Парка и У.А. Томаса – важный документ их недолгого сотрудничества, во многом предопределившего общие очертания социологии Чикагской школы.

В статье Р.Д. Маккензи мы обнаруживаем в чистом виде экологический подход к изучению социальных феноменов, впоследствии превратившийся в отдельную социальную науку (человеческую экологию), а позже, у Э. Хоули, в самостоятельную социологическую парадигму.

В классической статье Э.У. Бёрджесса, в которой была разработана знаменитая концентрическая модель роста города, мы видим несколько иную версию экологической перспективы, чем у Р.Д. Маккензи, более открытую для соединения с другими перспективами, входящими в схему соотнесения, разработанную Р.Э. Парком.

В статье Э. Фэриса, содержащей критический разбор очень важного для чикагской традиции понятия первичной группы, хорошо представлена социально-психологическая (интеракционистская) перспектива, входившая наряду с другими в эту общую схему соотнесения, но позже обособившаяся (как и человеческая экология) в качестве отдельной дисциплины, а затем и самостоятельной парадигмы (символического интеракционизма).

В работах Э.Ч. Хьюза в свою очередь мы можем найти продолжение и развитие той многомерной социологии, за которую ратовал Р.Э. Парк. Его подход к изучению институтов включает в себе оригинальное соединение экологической, антропологической и социально-психологической перспектив и в наибольшей степени сохраняет ту интегративную интенцию, которая характеризовала чикагскую традицию в пору ее раннего расцвета.

Эрнест Уотсон Бёрджесс

**РОСТ ГОРОДА:
ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ**

Эта статья имела программное значение для городских исследований Чикагской школы. В ней Бёрджесс не только разрабатывает знаменитую модель концентрических зон (позже многократно оспоренную на предмет ее универсальности), но и развивает основополагающие принципы и понятия так называемой «городской экологии» – приложения человеческой экологии к городским исследованиям. Динамическое видение города как развивающегося образования, постоянно пребывающего в процессе нарушения равновесия и его восстановления, дезорганизации и реорганизации, воплощает ключевые особенности прагматистски ориентированной чикагской социологии.

Перевод сделан по источнику: Burgess E.W. The growth of the city: An introduction to a research project // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – P. 47–62. Впервые был опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ/ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2000. – № 4. – С. 122–136. Воспроизводится с незначительными редакторскими изменениями.

Выдающимся фактом современного общества является рост больших городов. Нигде необычайные изменения, вызванные в нашей социальной жизни машинной промышленностью, не проявили себя так очевидно, как в городах. В США переход от сельской к городской цивилизации, хотя и начался позже, чем в Евро-

пе, происходил если не быстрее и всеохватнее, то уж, во всяком случае, более логично в своих наиболее характерных формах.

Все сугубо городские проявления современной жизни – небоскреб, подземка, универмаг, ежедневная газета и социальная работа – вещи типично американские. Менее бросающиеся в глаза изменения в нашей социальной жизни, те, которые в более грубых их проявлениях именуется «социальными проблемами» – проблемами, которые нас тревожат и выводят из себя, как то развод, делинквентность, социальные волнения, – проявляются острее всего в наших крупнейших американских городах. Глубокие «разрушительные» силы, вызвавшие эти изменения, измеряются ростом и экспансией городов. Об этом нам говорит сравнительная статистика Вебер, Бюхера и других ученых.

Эти статистические исследования, хотя имеют дело главным образом с последствиями городского роста, предельно рельефно обнажили отличительные черты городских популяций, в противовес сельским. Преобладание женщин над мужчинами в городах, в отличие от сельской местности, больший процент молодежи и людей среднего возраста, более высокая доля уроженцев других стран, растущая профессиональная неоднородность возрастают с ростом города и кардинально меняют его социальную структуру. Эти различия в составе населения служат показателями всех изменений, происходящих в социальной организации сообщества. В самом деле, эти изменения являются частью роста города и указывают на природу этих процессов роста.

Единственным аспектом роста, который адекватно описали Бюхер и Вебер, был довольно-таки очевидный процесс *агрегации* городского населения. Почти столь же очевидный процесс – процесс *экспансии* – был исследован с иной, весьма практической точки зрения группой специалистов, занимавшихся городским планированием, зонированием и региональными обследованиями. Еще более значима по сравнению с растущей плотностью тенденция городского населения становиться избыточным, распространяться вследствие этого на более обширные территории и вовлекать эти территории в более широкую общественную жизнь. В этой статье, следовательно, речь пойдет сначала об экспансии города, а затем о менее известных процессах городского метаболизма и мобильности, тесно связанных с экспансией.

Экспансия как физический рост

С точки зрения городского планирования, зонирования и региональных обследований экспансия города рассматривается почти всецело в терминах его физического роста. Транспортные исследования сосредоточились на проблеме развития транспорта в связи с распределением населения по всему городу. Обследования, проводимые Телефонной компанией Белла и другими службами, пытались предсказать направление и скорость роста города, дабы предвидеть будущий спрос на расширение их услуг. В рамках городского планирования размещение парков и бульваров, расширение проезжей части улиц, забота об административном центре города осуществляются в интересах будущего контроля над физическим развитием города.

К этой территориальной экспансии наших крупнейших городов ныне настойчиво привлекают наше внимание План изучения города Нью-Йорка и его окрестностей и создание Чикагской ассоциации регионального планирования, расширившей метропольный район города до радиуса 50 миль и включившей в него 4 тыс. кв. миль территории. В обоих случаях предпринимается попытка измерить экспансию, дабы справиться с изменениями, сопровождающими рост города. В Англии, где больше половины жителей живут в городах с населением 100 тыс. и более человек, К.Б. Фосетт дает такую живописную оценку влияния городской экспансии на социальную организацию:

«В последние десятилетия одной из самых важных и поразительных особенностей роста городских популяций у более развитых народов мира стало появление огромных городских агрегатов, или конурбаций, превосходящих по размеру и численности великие города любой предшествующей эпохи. Обычно они формировались путем одновременного расширения нескольких соседних городков, которые разрастались навстречу друг другу до тех пор, пока практически не сливались в одну непрерывную городскую территорию. Каждая такая конурбация вместе с тем имеет в своих пределах множество центров более плотного городского роста, большинство из которых представляют собой центральные районы тех разных городов, из которых она образовалась. Эти участки большей плотности соединяются менее плотно урбанизированными районами, которые поначалу были пригородами этих городов.

Последние до сих пор застраиваются, как правило, довольно несистематически и часто содержат много открытых пространств.

Эти большие скопления городских обитателей – новая особенность в расселении человека по поверхности планеты. На сегодняшний день имеется от 30 до 40 таких агрегатов, каждый из которых содержит более миллиона человек, тогда как еще столетие назад, если не учитывать крупные центры скопления населения на водных артериях Китая, их было от силы два или три. Такие скопления людей имеют огромную географическую и социальную значимость; они порождают новые проблемы в организации жизни и благосостоянии их жителей, а также в их различных видах деятельности. Немногие из них развили социальное сознание, сопоставимое с их величием, и полностью осознали себя как группировки людей, имеющих много общих интересов, чувств и мыслей»¹.

В Европе и Америке тенденция большого города к расширению нашла отражение в понятии «метрополис»; такого рода ареал выходит далеко за политические границы города, а в случае Нью-Йорка и Чикаго даже за пределы штата. Метрополис можно определить как ареал, включающий городскую территорию, обладающую свойством физической смежности, однако ныне он все больше определяется транспортными средствами, позволяющими деловому человеку жить в пригороде Чикаго, а работать в деловом центре, а его жене – совершать покупки в магазине Маршалла Филда и посещать представления гран-опера в Концертном зале.

Экспансия как процесс

Изучением экспансии как процесса еще никто не занимался, хотя материалы для такого исследования и обнаружения разных аспектов этого процесса содержатся в городском планировании, зонировании и региональных обследованиях. Типичные процессы экспансии города, наверное, лучше всего изобразить с помощью ряда концентрических кругов, которые можно пронумеровать, дабы обозначить как последовательно идущие зоны городского расширения, так и типы районов, дифференцирующихся в процессе экспансии.

¹Fawcett C.B. British conurbations in 1921 // Sociological rev. – Hoboken (NJ), 1922. – Vol. 14, N 2. – P. 111–112.

На этом рисунке представлена идеальная конструкция свойственных маленькому или большому городу тенденций к радиальному расширению из центрального делового района (на карте он помечен цифрой I). Центральную часть города обычно окружает переходная, или транзитная, зона, в которую проникают бизнес и легкая промышленность (II). Третью зону (III) населяют промышленные рабочие, бежавшие из зоны запустения (II), но желающие жить поближе к месту своей работы. За пределами этой зоны находится «спальная зона» (IV), образуемая комфортабельными многоквартирными домами или закрытыми районами частных домов, принадлежащих отдельным семьям. Еще дальше, за пределами самого города, располагается зона пригородов и городов-спутников, находящихся в полчаса-часе езды от центрального делового района.

Рис. 1. Рост города

Рисунок ясно показывает основной факт экспансии, а именно тенденцию каждой внутренней зоны расширять свою территорию путем проникновения в следующую внешнюю зону. Этот аспект экспансии можно назвать *сукцессией*, или *последовательностью*; данный процесс был подробно изучен в экологии растений. Если эту схему применить к Чикаго, то все четыре указанные зоны были некогда заключены в пределах внутренней зоны, ставшей ныне деловым районом. Нынешняя зона запустения много лет назад не была зоной, в границах которой селятся сегодня вольнонаемные рабочие; в памяти тысяч жителей Чикаго еще живы вос-

поминания о том, как в этом районе находились особняки «лучших семей». Вряд ли необходимо добавлять, что ни Чикаго, ни какой-либо другой город не вписываются в полной мере в эту идеальную схему. Она усложняется такими факторами, как прибрежная полоса озера, река Чикаго, железнодорожные линии, исторические факторы размещения промышленности, относительная степень сопротивления сообществ внешним вторжениям и т.д.

Помимо расширения и последовательности общий процесс экспансии в городском росте включает в себе антагонистические, но вместе с тем взаимно дополняющие друг друга процессы концентрации и децентрализации. Во всех городах имеется естественная тенденция к схождению линий внутренних и внешних транспортных перевозок в центральном деловом районе. В центре каждого крупного города мы ожидаем найти большие универмаги, высотные офисные здания, железнодорожные станции, большие гостиницы, театры, музей изобразительных искусств и городской концертный зал. Вполне естественно и почти неизбежно экономическая, культурная и политическая жизнь оказываются сосредоточены именно здесь. Связь централизации с другими процессами городской жизни можно приблизительно измерить тем фактом, что «Большую Петлю» (центральный деловой район Чикаго) ежедневно посещают более полумиллиона людей. В последнее время в лежащих за пределами города зонах выросли подчиненные деловые центры. Эти «центры-спутники», видимо, представляют собой вовсе не «долгожданное» возрождение прилегающих окрестностей, а скорее вовлечение нескольких локальных сообществ в более широкое экономическое единство. Вчерашний Чикаго, бывший скоплением сельских поселков и иммигрантских колоний, переживает процесс реорганизации и превращения в централизованную децентрализованную систему локальных сообществ, срастающихся в подчиненные деловые районы, над которыми зримо или незримо господствует центральный деловой район. Действительные процессы того, что можно было бы назвать централизованной децентрализацией, изучаются в настоящее время на примере развития торговых сетей, которые служат лишь одной из иллюстраций изменения, происходящего в самих основаниях городской организации¹.

¹ См.: Shideler E.H. The retail business organization as an index of community organization. – (Manuscript).

Экспансия, как мы уже увидели, связана с физическим ростом города и расширением технических служб, которые сделали городскую жизнь не только сносной, но и удобной, даже приятной. Некоторые из этих основополагающих потребностей городской жизни возможны лишь благодаря колоссальному развитию коммунального существования. Три миллиона людей, живущих в Чикаго, зависят от единой системы водоснабжения, одной гигантской газовой компании и одной огромной электростанции. Между тем, как и большинство других аспектов нашей коммунальной городской жизни, это экономическое сотрудничество представляет собой пример кооперации, в которой нет и доли того «духа сотрудничества», который в ней обычно предполагают. Крупные муниципальные службы являются частью механизации жизни в больших городах и почти или вовсе не имеют значения для социальной организации.

Тем не менее процессы экспансии, и особенно ее темпы, можно изучать не только в физическом росте и развитии бизнеса, но и в вытекающих из них изменениях в социальной организации и личностных типах. Насколько рост города в его физическом и техническом аспектах сопровождается естественной, но адекватной перестройкой в социальной организации? Какой темп экспансии является для города нормальным, т.е. таким, за которым могли бы успешно поспеть управляемые изменения в социальной организации?

Социальная организация и дезорганизация как процессы метаболизма

На эти вопросы, пожалуй, легче всего ответить, если мыслить городской рост как результат организации и дезорганизации, аналогичных анаболическим и катаболическим процессам в метаболизме живого тела. Каким образом индивиды инкорпорируются в жизнь города? Благодаря какому процессу человек становится органической частью своего общества? Естественный процесс усвоения культуры начинается с рождения. Человек рождается в семье, уже приспособленной к социальной среде – в данном случае к современному городу. В качестве естественного прироста населения, наиболее благоприятного для ассимиляции, можно, следовательно, принять преобладание рождаемости над смертностью. Но является ли это нормой для роста города? Определенно, современные города повышали и повышают численность своего населения с гораздо

более высокой скоростью. Между тем естественный темп прироста можно использовать как мерило для расстройств метаболизма, вызываемых любым избыточным приростом, например расстройств, которые последовали за великим наплывом негров с Юга в северные города после войны. Аналогичным образом все города демонстрируют отклонения в половозрастном составе от стандартного населения, каковым является население Швеции, не затронутое в последнее время великими волнами эмиграции или иммиграции. Опять-таки эти заметные отклонения, как, например, любое значительное преобладание мужчин над женщинами или женщин над мужчинами, искаженные численные пропорции детей или взрослых мужчин и женщин в населении, являются симптомами аномалий в социальном метаболизме.

Обычно процессы дезорганизации и организации могут рассматриваться как взаимно связанные друг с другом и как сообща подталкивающие равновесие социального порядка к цели, неявно или определенно трактуемой в качестве прогрессивной. Поскольку дезорганизация ведет к реорганизации и обеспечивает более эффективное приспособление, дезорганизацию мы должны понимать не как патологический, а как нормальный процесс. Дезорганизация как первый шаг к реорганизации установок и поведения почти неизменно становится уделом человека, только что поселившегося в городе. Расставание с привычным, которое зачастую совпадало для него с моральным, нередко сопровождается мучительным душевным конфликтом и переживанием личной потери. Но, пожалуй, чаще всего такое изменение рано или поздно приносит чувство избавления и стремление к новым ориентирам.

В ходе экспансии города совершается процесс распределения, который просеивает, сортирует и передислоцирует индивидов и группы по разным местам проживания и родам занятий. Возникающая в итоге дифференциация космополитического американского города на ареалы, как правило, подчиняется одному образцу, разве что с любопытными незначительными модификациями. В центральном деловом районе или на примыкающей улице располагается «основной костяк» так называемой Хобогемии, многолюдный Риальто бездомного странника со Среднего Запада¹. В зоне запустения, окружающей центральный деловой квартал, всегда можно обнаружить так называемые «трусцобы» и «пустыри» с их опустившимися рай-

¹ Исследование этого культурного ареала городской жизни см. в: Anderson N. The hobo. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1923.

онами нищеты, деградации и нездоровья, а также преисподними преступности и порока. В пределах зоны разложения есть и районы доходных домов, чистилище «заблудших душ». Неподалеку имеется Латинский квартал, где обитают творческие и мятежные характеры. Кроме того, трущобы до предела набиты иммигрантскими колониями; тут есть и Гетто, и Маленькая Сицилия, и Греческий городок, и Чайнатаун, где старые мировые традиции причудливо сочетаются с американскими адаптациями. Отсюда выклинивается Черный пояс с его свободной и беспорядочной жизнью. Зона запустения, будучи по своей сути ареалом загнивания и стационарного или сокращающегося населения, является в то же время и зоной регенерации, о чем свидетельствуют душеспасительные миссии, благотворительные учреждения, колонии художников, радикальные центры – все как на подбор одержимые видением нового и лучшего мира.

Следующая зона тоже населена в основном промышленными рабочими и работниками магазинов, но квалифицированными и добившимися успеха. Это ареал второго иммигрантского заселения; обычно здесь селятся иммигранты второго поколения. Это регион бегства из трущобы, *Deutschland* честолюбивой еврейской семьи из Гетто. Ведь *Deutschland* (буквально «Германия») – это название, данное наполовину из зависти, наполовину в насмешку району вне Гетто, где удачливые соседи подражают внешним стандартам жизни немецких евреев. Однако сам обитатель этого ареала, в свою очередь, смотрит с надеждой на внешнюю «Обетованную землю», ее меблированные комнаты в гостиницах или доходных домах, ее «центры-спутники» и районы «неоновых вывесок».

Эта дифференциация на естественные экономические и культурные группировки придает городу его форму и характер. Ведь сегрегация предлагает группе, а тем самым и индивидам, эту группу составляющим, место и роль в целостной организации городской жизни. Сегрегация ограничивает развитие в одних направлениях, но освобождает ему дорогу в других. Эти ареалы тяготеют к акцентировке определенных черт, привлечению и развитию своего особого типа индивидов и, тем самым, к углублению дифференциации.

Разделение труда в городе точно так же иллюстрирует дезорганизацию, реорганизацию и возрастающую дифференциацию. Иммигрант, приехавший из сельских сообществ Европы и Америки, редко привозит с собой экономический навык, имеющий хоть сколько-нибудь весомую ценность в нашей промышленной, коммерческой или профессиональной жизни. Однако произошел любо-

пытный профессиональный отбор на основе национальности, в результате которого у нас есть теперь ирландские полисмены, греческие кафе-мороженое, китайские прачечные, негры-носильщики и бельгийские привратники. Этот отбор можно объяснить скорее расовым темпераментом или обстоятельствами, нежели экономическими традициями миров, в которых эти иммигранты жили раньше.

Тот факт, что миллион индивидов в Чикаго (996 589) успешно работал в 509 официально зарегистрированных родах занятий, а 1 тыс. мужчин и женщин, чьи имена вошли в справочник *Who's who*, представляли 116 разных профессий, дает некоторое представление о том, как мельчайшая дифференциация профессий в городе «анализирует и просеивает население, разделяя и классифицируя разнородные элементы»¹. Эти цифры позволяют также представить сложность и запутанность современного промышленного механизма и тонкую сегрегацию и обособление разделившихся экономических групп. С этим экономическим разделением труда тесно связано соответствующее разделение на социальные классы и на культурные и рекреационные группы. Среди этой множественности групп с их различающимися паттернами жизни человек находит конгениальный ему социальный мир и – что совершенно неосуществимо в узких границах деревни – может двигаться и жить в абсолютно отдельных и, возможно, даже конфликтующих друг с другом мирах. Личностная дезорганизация может быть всего лишь неудачей в гармонизации канонов поведения двух различающихся групп.

Хотя феномены экспансии и метаболизма показывают, что умеренная степень дезорганизации может способствовать и действительно способствует социальной организации, они показывают также и то, что быстрая городская экспансия сопровождается необычайным ростом заболеваемости, преступности, порока, умопомешательства и самоубийств, а все это примерные показатели социальной дезорганизации. Но каковы показатели причин – в отличие от показателей следствий – расстроенного социального метаболизма города? В качестве критерия уже было предложено взять превышение действительного прироста населения над естественным. Значимость этого прироста заключается в том, что в крупный городской центр вроде Нью-Йорка или Чикаго ежегодно прибывают десятки тысяч иммигрантов. Их проникновение в го-

¹ Weber A.F. The growth of cities in the nineteenth century. – N.Y.: Macmillan, 1899. – P. 442.

род обладает эффектом приливной волны, накрывающей сначала иммигрантские колонии и порты прибытия, затем выталкивающей тысячи их обитателей в следующую зону – и так далее, пока инерционная сила волны не доберется до самой последней городской зоны. Совокупным эффектом становится ускорение экспансии, ускорение развития промышленности и ускорение процесса «закламливания и обветшания» в зоне запустения (II). Эти внутренние движения населения становятся все более важными для исследования. Какое движение происходит в городе, и как можно измерить это движение? Классифицировать движение в городе, конечно, легче, чем его измерить. Есть переезд с одного места жительства на другое, изменение рода занятий, текучесть рабочей силы, движение на работу и с работы, движение ради отдыха и приключений. Это подводит к вопросу: какой аспект движения важен для изучения изменений в городской жизни? Ответ на этот вопрос непосредственно ведет к проведению важного различия между движением и мобильностью.

Мобильность как пульс сообщества

Само по себе движение не является свидетельством изменения или роста. На самом деле движение может быть фиксированным и неизменным порядком перемещения, призванным контролировать постоянную ситуацию, например в случае рутинного движения. Движение, значимое для общества, предполагает изменение движений в ответ на новый стимул или ситуацию. Изменение движения этого рода называется *мобильностью*. Движение, имеющее рутинный характер, находит свое типичное выражение в работе. Изменение движения, или мобильность, выражается характерным образом в рискованном приключении. Большой город – с его «неоновыми вывесками», торговыми центрами, где торгуют новинками и устраивают дешевые распродажи, дворцами увеселений, подпольным миром порока и преступности, рисками и страхованием жизни и собственности от несчастного случая, кражи и убийства – стал зоной, где до предела выросли дух приключения и опасность, душевный подъем и нервное возбуждение.

Мобильность естественным образом включает в себе изменение, новый опыт, стимуляцию. Стимуляция вызывает реагирование человека-персоны на те объекты его внешнего окружения, которые дают выражение его желаниям. Для человека-персоны, как и

для физического организма, стимуляция является существенным условием роста. Реакция на стимуляцию сохраняет целостность до тех пор, пока остается согласованной *интегральной* реакцией всей личности. Когда реакция становится *сегментарной*, т.е. отделяется от организации личности и не контролируется ею, она стремится стать дезорганизующей или патологической. Именно поэтому стимуляция ради стимуляции, как, например, в неугомонной погоне за наслаждениями, сродни по своей природе пороку.

Мобильность городской жизни со свойственным ей возрастанием числа и интенсивности стимуляций неизбежно сбивает человека с пути и ведет к его деморализации. Ведь существенным элементом общественных нравов и личной нравственности является согласованность – согласованность того типа, какой естествен для социального контроля в первичной группе. Там, где мобильность достигает наивысшего уровня и, следовательно, полностью рушатся первичные механизмы контроля, как, например, в современном городе в зоне запустения, возникают ареалы деморализации, распущенности и порока.

В наших исследованиях города обнаружилось, что ареалы мобильности являются теми самыми районами, где процветают юношеская делинквентность, подростковые банды, преступность, нищета, уходы из семьи, разводы, детская беспризорность, порок.

Эти конкретные ситуации показывают, почему мобильность – вероятно, самый лучший индикатор состояния метаболизма города. Мобильность можно рассматривать как «пульс сообщества», причем не просто в метафорическом смысле. Подобно пульсу человеческого тела, этот процесс является отражением и индикатором всех происходящих в сообществе изменений, и его можно разложить на элементы, поддающиеся количественному выражению.

Элементы, входящие в состав мобильности, можно подразделить на две основные категории: 1) состояние изменчивости человека-персоны и 2) число и тип контактов или стимуляций в его внешней среде. Изменчивость городских популяций изменяется вместе с половозрастным составом, а также со степенью оторванности персоны от семьи и от других групп. Все эти факторы можно выразить количественно. Новые стимуляции, на которые реагирует население, можно измерить через изменение движения или возрастание числа контактов. Статистические данные о движении городского населения могут измерить лишь рутину, но возрастание его со скоростью, превышающей темп роста населе-

ния, является измерением мобильности. В 1860 г. в Нью-Йорке трамваи с конной тягой перевезли около 50 млн пассажиров; в 1890 г. трамваи с электрической тягой (и немногочисленные сохранившиеся трамваи с конной тягой) перевезли около 500 млн пассажиров; в 1921 г. надземные, подземные, наземные, электрические и паровозные пригородные транспортные линии перевезли в общей сумме более 2,5 млрд пассажиров¹. В Чикаго общее годовое число поездок на душу населения (на наземном и надземном транспорте) составляло: в 1890 г. – 164, в 1900 – 215; в 1910 – 320; в 1921 г. – 338. Кроме того, среднедушевое число поездок в год на пригородных железнодорожных линиях (на электрической и паровой тяге) за период с 1916 по 1921 г. почти удвоилось, с 23 до 41. Не следует упускать из виду и возросшее пользование автомобилями². Например, число автомобилей в Иллинойсе за период с 1915 по 1923 г. возросло со 131 140 до 833 920³.

Мобильность может быть измерена не только этими изменениями движения, но и возрастанием числа контактов. В то время как рост населения в Чикаго в 1912–1922 гг. составил менее 25% (23,6%), рост количества писем, доставляемых жителям Чикаго, был вдвое выше (49,6% – с 639 084 196 до 1038 007 854)⁴. В 1912 г. в Нью-Йорке на 100 жителей приходилось 8,8 телефона, а в 1922 – уже 16,9. В Бостоне в 1912 г. на 100 жителей приходилось 10,1 телефона, а спустя десять лет – уже 19,5. За то же десятилетие для Чикаго эти цифры выросли с 12,3 до 21,6 на 100 человек⁵. Но увеличение пользования телефонами, вероятно, даже важнее, чем рост числа телефонных аппаратов. Количество телефонных звон-

¹ Данные взяты в адаптированном виде из книги: Munro W.D. *Municipal government and administration*. – N.Y.: Macmillan, 1923. – Vol. 2. – P. 377.

² Report of the Chicago Traction and subway commission to the Honorable, the mayor and City council of the city of Chicago on a unified system of surface, elevated and subway lines. – Chicago (IL): Rand, McNally & co., 1916. – P. 81; Report and recommendations on a physical plan for a unified transportation system for the city of Chicago, to the Committee on local transportation of the City council of the city of Chicago. – Chicago (IL): J.T. Igoe co., 1923. – P. 391.

³ Данные собраны автомобильной промышленностью.

⁴ Статистические данные отдела почтовых отправлений почтовой службы Чикаго.

⁵ Рассчитано по данным *Census Estimates for Intercensal Years*.

ков в Чикаго возросло с 606 131 928 в 1914 г. до 944 010 586 в 1922 г¹.; рост составил 55,7%, тогда как население увеличилось только на 13,4%.

Цены на землю, поскольку они отражают движение, дают один из самых чувствительных показателей мобильности. Самые высокие цены на землю в Чикаго находятся в точке наибольшей мобильности в городе – на углу Стейт- и Мэдисон-стрит, в центральном деловом районе Луп («Большая петля»). Подсчеты транспортников показали, что в период пик через юго-западный угол пересечения этих улиц проходят в час 31 тыс. человек, или 210 тыс. человек за 16 с половиной часов. На протяжении более десяти лет цены на землю в «Большой петле» удерживались на постоянном уровне, но за это же время выросли вдвое, вчетверо и даже в шесть раз в стратегических секторах «спутниковых деловых центров»², и это точный показатель происшедших изменений. Проведенные нами исследования показывают, что, по всей видимости, изменения в ценах на землю, особенно там, где они коррелируют с изменениями арендной платы, представляют, пожалуй, лучшую количественную меру мобильности и, стало быть, всех тех изменений, которые происходят в ходе экспансии и роста города.

Я попытался представить в общих чертах ту точку зрения и те методы исследования, которые применяет факультет социологии в своих исследованиях роста города, а именно: описать городскую экспансию в терминах расширения, последовательности и концентрации; определить, как экспансия нарушает метаболизм города, когда дезорганизация берет верх над организацией; и, наконец, определить мобильность и предложить ее как поддающийся точной количественной оценке критерий экспансии и метаболизма, который можно бы было почти буквально рассматривать как пульс сообщества. К слову, этот документ мог бы стать введением к любому из пяти-шести исследовательских проектов, которыми занимается в настоящее время наш факультет³. Проект, которым

¹ Из статистических данных, предоставленных м-ром Р. Джонсоном, диспетчером телефонных линий (Иллинойское отделение Телефонной компании Белла).

² За период 1912–1923 гг. цены на землю (за кв. фут) выросли в Бриджпорте с \$600 до \$1250; в районе Дивижн-Эшленд-Милуоки – с \$2000 до \$4500; в «Задворках» – с \$1000 до \$3000; в Инглвуде – с \$2500 до \$8000; на Уилсон-авеню – с \$1000 до \$6000; но упали в «Большой петле» с \$20 000 до \$16 500.

³ Anderson N. The slum: An area of deterioration in the growth of the city. – (Manuscript); Mowrer E.R. Family disorganization in Chicago. – (Manuscript); Reckless W.C. The natural history of vice areas in Chicago. – (Manuscript); Shideler E.H.

занят непосредственно я, представляет собой попытку применить эти методы исследования к поперечному срезу города. Я пытаюсь поместить эту территорию, так сказать, под микроскоп и изучить более детально, ответственно и точно процессы, описанные здесь в самых общих чертах. С этой целью было выбрано еврейское сообщество на западе города. Это сообщество включает так называемое «Гетто», район первого заселения, и Зеленый Дол, или так называемую «Германию», район второго заселения. Этот ареал имеет некоторые очевидные преимущества для такого исследования с точки зрения экспансии, метаболизма и мобильности. Он иллюстрирует тенденцию города к радиальному расширению из делового центра. В настоящее время это относительно гомогенная культурная группа. Зеленый Дол – район, пребывающий в потоке непрерывного изменения, куда все еще прибывает волна мигрантов из Гетто и откуда происходит постоянный отток людей в более желанные районы фешенебельных кварталов. Кроме того, в этом ареале можно изучить, как ожидаемому результату высокого уровня мобильности, а именно социальной и личностной дезорганизации, в немалой степени противодействует эффективная общинная организация еврейского сообщества.

The retail business organization as an index of business organization. – (Manuscript); Thrasher F.M. One thousand boys' gangs in Chicago: A study of their organization and habitat. – (Manuscript); Zorbaugh H.W. The Lower North Side: A study in community organization. – (Manuscript).

Родерик Данкен Маккензи

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Человеческая экология, основоположниками которой стали Р.Э. Парк и Р.Д. Маккензи, – одна из «визитных карточек» Чикагской школы. Статья Маккензи, впервые опубликованная в «American journal of sociology» в 1924 г. и включенная в знаменитую книгу «Город» (1925), имеет программный характер. В ней разрабатываются некоторые основные понятия и общие принципы человеческой экологии, а также очерчиваются возможности применения экологического подхода в городских исследованиях (этот подход в урбанистике известен как «городская экология»).

Перевод сделан по источнику: McKenzie R.D. The ecological approach to the study of human community // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – P. 63–79. Сокращенный перевод был опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2000. – № 4. – С. 136–152. Для настоящего издания он заново сверен и отредактирован, недостающие места переведены.

Молодые науки о растительной и животной экологии вполне прочно утвердились в своем положении. Соответствующие области изучения явно хорошо определены, а набор понятий для анализа находит довольно широкое признание. Предмет человеческой экологии, однако, до сих пор остается практически неисследованным полем, если говорить о систематическом и научном анализе. Разумеется, есть множество исследований, так или иначе соприка-

савшихся с областью человеческой экологии в разных ее аспектах, но наука о человеческой экологии, сопоставимая по точности наблюдения или методу анализа с новейшими науками о растительной и животной экологии, еще не получила развития.

I. Связь человеческой экологии с растительной и животной экологией

Экология определяется как «та фаза биологии, которая рассматривает растения и животных так, как они существуют в природе, и изучает их взаимозависимость, а также связь каждого вида и индивида со своей средой»¹. Это определение недостаточно широко, чтобы включить в себя все элементы, логически попадающие в круг интересов человеческой экологии. В отсутствие какого бы то ни было прецедента предварительно определим человеческую экологию как исследование пространственных и временных² отношений между людьми, складывающихся под воздействием сил среды, связанных с отбором, распределением и аккомодацией. Человеческую экологию интересует прежде всего влияние *положения*³ – как во времени, так и в пространстве – на человеческие институты и человеческое поведение. «Общество образуется из индивидов, пространственно разделенных, территориально распределенных и способных к независимому передвижению»⁴. Эти пространственные связи людей являются продуктами конкуренции и отбора и постоянно пребывают в процессе изменения по мере вмешательства новых факторов, нарушающих конкурентные отношения или стимулирующих мобильность. Человеческие институты и сама человеческая природа становятся аккомодированными

¹ Encyclopedia Americana. – N.Y.: Americana corp., 1923. – P. 555.

² Как показывается далее в этой статье, экологические образования имеют тенденцию развиваться циклически. Период времени, в течение которого данное экологическое образование развивается и достигает вершины своего развития, есть временной период данного конкретного образования. Продолжительность этих временных периодов можно, в конечном счете, измерить и предсказать; отсюда включение временного элемента в определение.

³ Слово «положение» используется для описания место отношения данного сообщества к другим сообществам, а также местоположения индивида или института внутри самого сообщества.

⁴ Park R.E, Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1921. – P. 509.

к определенным пространственным связям между людьми. С изменением этих пространственных отношений меняется физический базис социальных отношений, что вызывает социальные и политические проблемы.

Много было написано о биологических, экономических и социальных аспектах конкуренции и отбора, но дистрибутивным и пространственным аспектам этих процессов уделялось мало внимания. Растительный эколог сознает воздействие борьбы за пространство, питание и свет на природу растительного образования, но социолог так и не осознал, что те же самые процессы конкуренции и аккомодации определяют размер и экологическую организацию человеческого сообщества.

Существенное различие между растительным и животным организмом состоит в том, что животное обладает способностью к передвижению, позволяющей ему добывать питание в более широкой среде; но человеческое животное, вдобавок к способности перемещаться в пространстве, обладает еще и способностью изобретать и адаптировать среду к своим потребностям. Одним словом, человеческое сообщество отличается от растительного двумя основными характеристиками – мобильностью и целеполаганием, т.е. способностью выбирать среду обитания и способностью контролировать или видоизменять условия этой среды. В первом приближении это, казалось бы, указывает на то, что человеческая экология не может иметь ничего общего с растительной, где процессы ассоциации и приспособления вытекают из естественных неизменных реакций; при более внимательном рассмотрении и исследовании, однако, становится очевидно, что человеческие сообщества не в такой уж большой степени продукт артефакта или замысла, как полагают многие приверженцы культа героев¹.

Человеческое сообщество берет начало в особенностях человеческой природы и потребностях людей. Человек – стадное животное; он не может жить один; он относительно слаб физически и нуждается не только в компании других людей, но также в крове и в защите от природных стихий. Брюне говорит, что есть три главные вещи, необходимые для возникновения человеческого

¹ Хотя действия индивидов могут планироваться и контролироваться, общий эффект индивидуального действия никогда не бывает ни задуманным, ни предусмотренным.

сообщества: дом, дорога и вода¹. Пищу легче переносить с места на место, чем жилище или воду; поэтому последние два элемента даже при самых кочевых условиях являются важнейшими элементами, дающими местоположение и пространственную фиксацию человеческим отношениям². Пример этому можно отыскать и в нашем нынешнем режиме автомобильной туристической жизни, где вода и кров становятся определяющими факторами местоположения стоянок.

Размер и стабильность человеческого сообщества, между тем, являются функцией продовольственного обеспечения и роли, играемой им в более широком экологическом процессе производства и распределения товаров. Когда человек живет охотой и рыбной ловлей, сообщество невелико и недолговечно; когда главным источником средств к существованию становится сельское хозяйство, сообщество остается небольшим по размеру, но приобретает более постоянный характер; когда развиваются ремесло и торговля, в узловых точках транспортировки товаров – в устьях рек, в местах слияния водных артерий, вблизи водопадов и отмелей, где водные потоки можно переходить вброд, – вырастают более крупные сообщества. По мере возникновения новых форм транспортировки появляются новые места концентрации, а старые становятся более значимыми или приходят в упадок. Опять же, поскольку товары для торговли изготавливаются в сообществах, возникают еще и другие точки концентрации, определяемые главным образом доступностью источников энергии и природного сырья³.

¹ Brunhes J. Human geography. – Chicago (IL); N.Y.: Univ. of Chicago press, 1920. – P. 52.

² С помощью ряда карт Брюне показывает, что между пространственным распределением мест обитания людей и системами водоснабжения разных стран существует теснейшая связь. Он также демонстрирует связь современного промышленного сообщества с районами угольных месторождений.

³ Часто отмечалась тесная связь, существующая между районами месторождений угля и железа и местоположением современных промышленных сообществ. Л.Ш.А. Ноулз пишет: «В отсутствие особых и исключительных обстоятельств промышленность в Европе и Соединенных Штатах имеет тенденцию развиваться там, где железнодорожное сообщение дает легкий доступ к районам угольных месторождений, и в этих районах население концентрируется в городах». (Knowles L.C.A. The industrial and commercial revolutions in Great Britain during the nineteenth century. – L.: G. Routledge & sons, 1922. – P. 24.)

II. Экологическая классификация сообществ

С точки зрения экологии сообщества можно разделить на четыре общих типа. Во-первых, первичное обслуживающее сообщество. В качестве примера можно взять сельскохозяйственный поселок, рыболовецкое, угледобывающее или лесозаготовительное сообщество, которые служат первой ступенью в процессе распределения исходящего сырьевого товара и последней ступенью в процессе распределения конечного потребительского продукта. Размер таких сообществ полностью зависит от природы и формы утилизации соответствующей добывающей промышленности в совокупности с протяженностью окружающего торгового ареала. Сообщество реагирует своим размером на любой элемент, воздействующий на производительность экономической базы или на протяженность ареала, из которого оно черпает средства к существованию. Однако в любом случае, пока такое сообщество не примет еще какую-то функцию в более широком экологическом процессе, численность населения в нем не может превысить несколько тысяч человек.

Следующий тип сообщества – сообщество, выполняющее вторичную функцию в процессе распределения товаров. Оно собирает основные сырьевые материалы из окружающих первичных сообществ и распределяет их на более широких мировых рынках. В то же время оно перераспределяет поступающие из других частей мира продукты в первичные обслуживающие сообщества для конечного потребления. Обычно его называют торговым сообществом; но оно может сочетать в себе и другие функции. Размер этого типа сообщества зависит от протяженности его распределительных функций. Оно может варьировать в диапазоне от небольшого поселка в центре сельскохозяйственных равнин, где продается все, до крупного портового города, хинтерланд которого простирается вглубь на полконтинента. Рост зависит от сравнительных преимуществ местоположения.

Третий тип сообщества – индустриальный город. Он служит местом сосредоточения производства товаров. Вдобавок к этому, он может сочетать в себе функции первых двух типов сообщества, первичного обслуживающего и коммерческого. Он может иметь свою локальную торговую территорию, а также быть распределительным центром для окружающих сельских районов. Этот тип характеризуется сравнительным преобладанием промышленности над другими формами обслуживания. Нет практически никаких

пределов для размера, которого промышленное сообщество может достичь. Рост зависит от масштабности и рыночной организации конкретных отраслей, которым довелось локализоваться в его границах. Промышленные сообщества бывают двух основных типов: во-первых, обладающие диверсифицированными и многочисленными отраслями, организованными на базе локальной продажи продукции, и, во-вторых, те, в которых преобладают одна или две высокоразвитые отрасли, организованные на базе общенационального или всемирного сбыта продукции.

Четвертый тип сообщества – это сообщество, в котором отсутствует особая экономическая база. Оно получает свое экономическое обеспечение из других частей мира и может не выполнять никакой функции в производстве или распределении товаров. Примерами таких сообществ служат наши курорты, политические и образовательные центры, сообщества военных, исправительных и благотворительных поселений. С точки зрения роста или упадка такие сообщества не подчиняются тем законам, которые управляют развитием городов, играющих какую-нибудь роль в более широких производственных или распределительных процессах¹. Они гораздо более уязвимы, чем базисные типы человеческих сообществ, перед лицом непостоянства человеческих фантазий и законодательных установлений. Конечно, любое сообщество может иметь и обычно имеет дополнительный прирост населения за счет оказания такого рода услуг. Например, оно может быть местонахождением университета или тюрьмы штата, может на какое-то время года превращаться в курорт.

III. Определяющие экологические факторы роста или упадка сообщества

Человеческое сообщество имеет тенденцию развиваться циклически. При данном состоянии природных ресурсов и данном состоянии искусств и ремесел сообщество обычно возрастает в размере и структуре до тех пор, пока не достигается точка соответствия популяции экономической основе. В аграрном сообществе

¹ Разумеется, если соответствующие интересы коммерциализируются, то рост такого сообщества начинает подчиняться тем же законам конкуренции, что и рост других типов сообществ, за исключением того, что изменение, скорее всего, будет более быстрым и причудливым.